

Сенека-моралист

Значение литературы Древнего Рима не приходится доказывать: без этой основы европейская культура имела бы иное наполнение; не опосредованное Римом влияние Греции началось в эпоху барокко, когда западноевропейские литературы уже сформировались, создали мир собственных идей и форм. Между тем сам Рим немислим вне греческого влияния. Зависимость римских писателей от греческих — такое же общее место литературной истории, как и зависимость новоевропейской литературы от Рима. Рим — проводник, русло. Источник же всех идей, жанров, образов следует находить в Греции. Это чувствовали и сами римляне. Квинтилиан, классик педагогической литературы, в десятой книге «Воспитания оратора» определяет своим ученикам круг чтения: ведущее положение во всех жанрах занимают греческие писатели, римляне всегда вторичны, хотя многие поднимаются до уровня греков, и только сатира «целиком наша». Пусть так, другие культурные народы древнего Средиземноморья, хотя перенимали у греков различные формы искусства, не создали литературы по образцу греческой, исчезнув поэтому без заметного вклада в сокровищницу гуманизма. Без Рима античность немислива, как нет реки без русла: историки культуры не единожды отмечали этот факт. Однако на большом отдалении заметно и другое. Внимание к греческим источникам, восхищение ими

подчас мешает признать, что римская литература в эстетическом измерении не уступает, а часто и превосходит греков. Ее поступательное движение определяется тем, какую Грецию завоевывает Рим. После подчинения городов Италии и Сицилии эта литература возникла, дав в конце III века до н. э. первого национального гения — Плавта. Следующий этап — завоевание в ходе македонских войн той Эллады, центром которой оставались Афины. Балканская Греция в культурном плане превосходила западную; римляне получили новые возможности заимствования, и новый этап развития римской литературы приблизил ее к уровню греческой. Луцилий, литератор скромного по сравнению с Плавтом дарования, создал незнакомый грекам жанр сатиры, его продолжателями будут считать себя Гораций, Персий и Ювенал. Последним витком был захват восточных центров эллинизма, передовых в культурном отношении Родоса, Пергама, наконец — Александрии. Латинский язык наряду с греческим приобретает статус международного, и римская литература опережает современную ей греческую. Цицерон, оставаясь почти всю жизнь в большой политике, участвуя в управлении сверхдержавой, кроме десятков композиционно и стилистически совершенных речей, создал целую библиотеку образцовых произведений теоретического содержания. Из сотен его писем немалая часть имеет внеисторическое значение. Творческой личности такого масштаба не знала никакая другая культура. Начиная со времени принципата Риму больше нечего и не у кого заимствовать. Римская литература достигает апогея; время первых Цезарей в ряде жанров дает гениев, возвышающихся над всем, что было создано в этих жанрах до и после них. Овидий, Петроний, Квинтилиан, Марциал, Тацит — не просто имена: их произведения, так же как гомеровский эпос, оды Пиндара, пьесы афин-

ских драматургов, — это миры, в бесконечности которых человечество обретает надежду на успехи гуманизма в будущем.

В этом времени творит Сенека. Дольше Цицерона он управлял Римом. Его литературная деятельность при этом разнообразнее. Речи не сохранились; по отзывам ясно, что в качестве судебного оратора он первенствовал среди современников. Основной корпус дошедших в средневековых рукописях сочинений составляет проза этического содержания: поучения, беседы, протрептики, утешения, бóльшая часть которых объединена рукописной традицией в так называемые «Диалоги»¹. Главный труд — назидательные «Письма к Луцилию» (124 письма, делятся на 20 книг), переведенные на все новоевропейские языки. Кроме того, Сенека создал своеобразный трагедийный театр. К идейному содержанию, образам и композиции его пьес относятся по-разному, но все критики признают очевидное: великая драматургия XVI–XVII веков, театр Шекспира и французского классицизма, опирается на Сенеку, а не на его греческие образцы. Пьесы Сенеки, наряду с творениями Эсхила, Софокла и Еврипида, остаются единственными сохранными Средневековьем в полном виде

¹ 12 книг, 10 произведений разного объема: 1) «О провидении»; 2) «О твердости мудрого»; 3–5) «О гневе» (в трех книгах); 6) «Утешение к Марции»; 7) «О счастливой жизни»; 8) «О досуге»; 9) «О спокойствии духа»; 10) «О краткости жизни»; 11) «Утешение к Полибию»; 12) «Утешение к Гельвии». Форма предполагает обращение к читателю, не всегда согласному с автором: иногда последний говорит как бы от лица противника. Сенека называет эти вещи «беседами», название «Диалоги» впервые встречается у Квинтилиана (10, 1, 129). Отдельно переписывались трактаты «О благодеяниях» и «О милосердии». Сохранились в отрывках сочинения «О лекарстве от случайностей», «О четырех добродетелях» и некоторые другие. «Об обязанностях», «О суеверии», равно как и письма Новату, Цезонию Максиму и др., бесследно исчезли в Средние века.

античными трагедиями¹. Его поэтический талант доказывают и эпиграммы: вряд ли все стихотворения этого составленного гуманистами XVI века сборника написаны Сенекой², но несомненно подлинными являются собой украшение жанра. Он выделился и как оригинальный сатирик, сочинив «Апоколокинтосис»³ и став наряду с Варроном предшественником Лукиана и Рабле. Названный памфлет сближают с лучшим из написанного в необычном жанре «Менипповой сатиры», который предполагает в формальном плане смесь прозы со стихами, в содержательном — фантазмагорию, а в идейном — отрицание общепринятых норм. Мало того, он — автор подробных и ценных для истории науки «Исследований о природе». Объем созданного Сенекой в прозе заставил некоторых исследователей предполагать, что ему, как ранее Цицерону, помогали секретари. Что таковые имелись, доказывает рассказ Тацита о его последних часах⁴. Но как бы техничен и опытен в устной речи ни был оратор, качество отделки предполагает работу, которую никакие литературные «негры» не способны выполнить настолько блестяще. Что бы ни говорили о Сенеке, как бы ни относились ученые критики к содержанию или форме его философ-

¹ «Безумствующий Геркулес», «Троянки», «Финикиянки», «Медея», «Федра», «Эдип», «Агамемнон», «Фиест». Ряд специалистов подвергают сомнению авторство трагедии «Геркулес на Эте». Подложная претекста (трагедия на основе национального сюжета) — единственная из дошедших пьес в единственном исконно римском театральном жанре — «Октавия».

² Часть, по мнению Карла Поммероя Харрингтона, исследовавшего язык и стиль сборника, принадлежит современникам, возможно даже Лукану; лишь очень немногие — позднейшего происхождения.

³ С греческого — «отыквление», псевдоапофеоз императора Клавдия.

⁴ *Анналы* 15, 63, 7: «Даже в последние мгновения его не покинуло красноречие, так что он вызвал писцов и многое надиктовал». Но ведь в тот момент Сенека сам писать не мог.

ских писаний, нельзя отрицать главное: политик такого уровня, столь многогранно и ярко проявивший себя в литературе, есть явление исключительное, вершина из вершин человеческого гения. Позднеантичный скульптор, сопоставивший Сенеку и Сократа, ничуть не ошибся.

Как любой гений, Сенека неоднозначен; портрет писателя на фоне эпохи никому еще не удался вполне¹. Причина даже не столько в громадном временном отдалении, непохожести мира, в котором жил и творил он, на наш мир. Его собственные произведения, а также внешние источники содержат достаточно биографических сведений; из этой мозаики вполне возможно сложить близкий к реальности образ. О деталях спорить не перестанут, но современное антиковедение умеет воссоздавать целое из куда более скудных фрагментов. Историческое легко различимо сквозь кривое зеркало

¹ Известная книга Пьера Грималея «Сенека, или Совесть империи» (русский перевод вышел в серии ЖЗЛ), хотя написана крупным специалистом по истории Рима, обходит дискуссионные моменты и включает обобщения, не находящие опоры в текстах. Обе эти черты свойственны и другим научно-популярным книгам о римских писателях, изданным тем же автором. Трудно, конечно, не упрощая, но и не перегружая научной критикой изложение, рассчитанное на широкого читателя, любя свой предмет, но не вдаваясь в панегирик, излагать такие биографии. Сенека озадачивает едва ли не чаще других великих. Упомянутый Карл Харрингтон, чьи исследования пользовались и пользуются немалым авторитетом, так начинает одну из своих статей о нем: «Был он негодяем или мучеником? Патриотом или заговорщиком? Оратор по выучке и стилю, он не оставил изумленному миру ни одного труда, касающегося риторики, а вместо того — трагедии, которые не нужно ставить, письма, которые не нужно отправлять, диалоги без собеседника, рассуждения миллионера о простой жизни, физику, в которой господствует этика, и сатиру про „отыквление“, в которой ничего не „отыквляется“. Наконец, блаженный Иероним, ничтоже сумняшеся, признал его святым на основании дошедшей переписки с апостолом Павлом, которую наука XX в. единодушно признала подложной».

рецепции, поскольку и сама античная, средневековая и последующая многообразная рецепция творчества Сенеки подробно изучена. Оценке мало мешает разнообразность наследия. Напротив, при всем многообразии общее хорошо заметно. Его стиль в любых жанрах узнаваем и так своеобразен, что автор то и дело невольно клиширует себя. Стиль — это не только характер, но весь человек¹. Речь отвечает мысли, и Сенека — монологичный мыслитель. Главным образом его занимает нравственное содержание человеческого бытия. Этот интерес — свойствен ли он выходцу из консервативной римской семьи или ученику стоиков — проявляется в каждом его произведении, не исключая и натурфилософские книги, в которых рассеяны рассуждения о пользе научных занятий, о божественном и человеческом. Этический пафос присутствует даже в памфлете на посмертное обожествление Клавдия. Сатира подразумевает критику нравов, но у Сенеки, кроме полуиронических размышлений о божестве, очень выдающихся автора, присутствует и носитель положительных взглядов. В качестве резонера он выводит Августа, дав правителю, которого всегда вспоминает как идеал, высказать нешуточные обвинения в адрес умершего. Здесь философ напоминает царям и наследникам царей: «Не знать, что ты убил, еще отвратительнее, чем убивать». История нужна Сенеке лишь в качестве сокровищницы поучительных примеров. Его трагедии пропитаны моральным содержанием, в этих пьесах и композиция, и образы, и поэзия служат одной цели: продемонстрировать, как удобно стоическая этика применяется к отжившим, казалось бы, трагедийным образам и сюжетам. Геракл, Фиест, Медея — уже не фигуры драмы, а те же говорящие примеры, не образы, но образцы.

¹ *Сенека. Нравственные письма* 114, 1: «У греков вошло в половицу: какова у людей жизнь, такова и речь».

Возможно ли, заполнив тома наставлениями в разных литературных формах, остаться — для умеющих его прочесть — более чем занимательным писателем? Секрет не только в стиле и красочном литературном оформлении, любви к отступлениям, таким, например, как яркий пейзаж, описание городской жизни, исторический или природоведческий экскурс. Читателя поражает необычность этических установок автора, поддержанных оригинальной, тонко формулируемой аргументацией. Зря думают, будто Сенека больше внушает, меньше аргументируя, что пересыпанная примерами риторика у него преобладает над доказательствами. Часто именно доказательства определяют занимательность этого чтения. Однако нравоучительная литература, хотя бывает разной, опорным содержанием имеет школьную дидактику. Сенека учит не сокрушаться при утратах, не гневаться на ближних и вообще не гневаться, охотно помогать, но в оказании милостей не переходить черту, поддерживая злых и неблагодарных, не заниматься бесконечным стяжательством, но посвящать жизнь высшим ценностям, оставаться спокойным, терпя невзгоды, не увлекаться внешними благами, не доверять мимолетным успехам, сосредоточиться на духовном совершенствовании, тренировать ум научными изысканиями, постоянно помнить о вечном... Философ может безопасно рассуждать об отвлеченных вещах, однако не каждый имеет смелость занять по отношению к читающему миру гордую позу учителя нравов. Ведь первое, что спросят ученики, — насколько сам наставник соответствует своим наставлениям.

Здесь именно и кроется своеобразная трудность, противоречие, мешающее адекватно оценить Сенеку-моралиста. Допустим, он учит безразлично относиться к благам обеспеченной жизни. Но сам был чуть ли не первым богачом Рима. Учит бескорыстия. Но отдавал деньги в рост. Не гневаться. Но злился на противников

и давал волю своей злобе. Не помогать недостойным. Но оказывал помощь матереубийце Нерону. Держаться дальше от вершин, «сама высота которых поражает громом»¹. Но в течение нескольких лет оставался первым министром императора, предоставившего ему управление страной. Пишет, что прекрасно обработанная речь «не пристала философу»². Но излагает свои мысли тщательно ограненным слогом. Учит, наконец, умирать без сожалений. Но в роковой момент пытался сохранить себе жизнь и ушел только по принуждению³. А ведь он настаивал, что нужно не просто знать, но действовать согласно тому, что знаешь. Как тогда понимать все его поучения? Как догму, оторванную от жизненного содержания? Как чистую риторику, размышления на заданные учителями темы? Или наоборот, как попытку совместить философскую проповедь с жизненной программой? Что такое его моралистические писания? Самооправдание? Самовнушение? Род душевного отдыха, освобождение внутреннего человека, не способного реализоваться иначе как на бумаге? Во всех случаях ценность поучений оказывается если не уничтоженной, то ослабленной.

¹ Письма 19, 8, цитируются слова Мецената; отрывки из «Писем» приводим в переводах С. А. Ошерова.

² Письма 100, 4.

³ Сравним мнение прославленного филолога: «Пока Сенека принимал участие в дворцовой и политической жизни, он повесил на гвоздь, пробуя лишь краем губ, свою мораль, причем не только стоическую. И на смертном одре он рисуется, как делал это всегда в своих писаниях» (*Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф*. Народная религия эллинов. 1931. Т. 2). Написано почти через два тысячелетия после смерти философа. Дион Кассий, отстоящий от Сенеки на полтора столетия, куда беспощаднее: «В то время как он разоблачал тиранию, сделался воспитателем тирана; в то время как яростно поносил приближенных к властителям, сам отнюдь не держался вдали от дворца; хотя порицал также и льстецов, сам пресмыкался перед Мессалиной и вольноотпущенниками Клавдия» (Римская история 61, 10).

Проблему невозможно игнорировать. Может быть, антагонизма жизни и творчества на самом деле нет: данные историков допускают более дружественную Сенеке интерпретацию? Основаны ли упреки на исторических фактах? То же сомнение касается его этической системы. Настолько ли ригористичны рекомендации философа, что с ними невозможно сблизить его биографию? Без вживания не возникает гениальной литературы. Очевидно, пересечения должны найтись. Двигатель всех биографических и философских сюжетов сидит в деталях: в теории, как и на практике, общие мнения возникают из правдоподобного истолкования частных. Не стесняясь детально говорить об известном, мы обязаны, следовательно, рассмотреть сперва биографические свидетельства, а затем, хотя бы кратко, саму его проповедь. Своими этическими трактатами Сенека обычно откликается на события собственной жизни. Вопреки установившейся тенденции, нам тем не менее возбраняется, следуя большинству биографов, обосновывать его поступки цитатами из его же нравоучительных книг. Ведь, как всем понятно, учить можно одному, а жить совсем по-другому. Слова мыслителя пусть послужат отражением, не становясь мотивацией событий.

Что Луций Анней Сенека Младший родился в Кордубе, кроме его собственных стихов¹, подтверждает Марциал². Дату рождения, о которой ввиду отсутствия указаний в источниках долго полемизировали, вычислили по косвенным высказываниям самого философа

¹ Эпиграмма 409 «Латинской антологии»: «Кордуба, распусти власы...»

² 1, 61, 7–8: «Красноречивая Кордуба говорит о двух Сенеках и единственном Лукане». Здесь собраны три представителя семьи — отец Сенеки, он сам и его племянник — поэт. Автор эпиграммы также происходил из Испании, хотя и совсем из другой области, с севера.

в «Нравственных письмах» — 1-й год новой эры¹. Отец прославлен в истории ораторской литературы: Сенека Старший («Ритор») оставил наследие уникальной ценности — пространный, пересеянный разнообразными наблюдениями и комментариями сборник декламаций, слышанных им от разных, в том числе и знаменитых, соотечественников. Цицерон, как известно, обрабатывал свои речи для опубликования, не боясь прослыть тщеславным. Другие римские общественные и судебные деятели так не поступали. Их речи не пережили античности, приемы доказательства и стиль абсолютного большинства римских ораторов известны в лучшем случае по отзывам; сохраненные древними грамматиками ради языковых особенностей фрагменты малоинформативны. «Контроверсии» и «Свазории»² риторических школ в подаче мемуариста являют взгляду фрагменты мозаики, большая часть которой утрачена, по-видимому, безвозвратно. Общее место биографов — унаследованные Сенекой от отца республиканские настроения, традиционные в его семье и в Кордубе, где когда-то Секст Помпей сдерживал легионы Цезаря. Политические убеждения Сенеки Старшего было бы легче

¹ Споры прекратились после статьи Карлганса Абея, виднейшего знатока Сенеки второй половины XX в., подтвердившего наблюдения Франсуа Прешака (принятые и Грималем): «Письма к Луцилию» по ряду указаний надежно датируются 63–64 гг. н. э. При этом автор не раз говорит, что переступил порог старости. Уточнение содержит письмо 83: упомянут мальчик-раб, у которого начали выпадать молочные зубы в тот же самый «критический» год, в который Сенека теряет зубы уже от старости. «Критическим», или «климактерическим», годом античность, начиная от Солона, признавала каждый седьмой год жизни. Нетрудно заключить, что мальчику исполнилось семь, а «старцу» Сенеке — 63 года.

² «Споры» учили формулировать доводы тяжущихся сторон в нарочито запутанных судебных разбирательствах, «Увещания» — с позиций исторического деятеля или героя мифа отстаивать то или иное решение.

выяснить, уцелей его главный труд — история гражданских войн¹. Вычитать из «Контроверсий» и «Свазорий» республиканские симпатии нелегко, поскольку чаще всего приводятся мнения обеих сторон. От себя есть и похвалы, и упреки оппозиционерам. Цезаря автор именует в духе официоза «божественным Юлием», похвалы «божественному Августу» кажутся искренними². Очевидна консервативная тенденция и приверженность стоической морали. Нравы праздной молодежи в новые времена критикуются очень убедительно. Идеалы учителя резюмирует отсылка к правилу древнего Катона: «Оратор — *честный* человек, искушенный в произнесении речей». Придворные Августа, как и его враги, восхваляются за невосприимчивость к ударам судьбы.

«Контроверсии» открывает обращение к юным сыновьям, названным по старшинству: «Сенека приветствует Новата, Сенеку, Мелу». Воспоминания написаны по их просьбе. Новат, старший брат философа, был позднее усыновлен овдовевшим другом отца, тоже ритором и автором трактатов о риторике, сенатором Юнием Галлионом, и стал зваться Луций Юний Галлион. Предполагалось, что сыновья будут делать карьеру в политике. Карьере помогали знакомства. Добиваться должностей, дающих право на кресло в сенате («курульных»),

¹ По свидетельству Лактанция, Сенека сравнил исторические эпохи Рима с возрастами человека: детство при царях, отрочество в первые столетия республики, начало зрелости — после Пунических войн (Божественные установления 7, 15, 8). На этом месте пересказ, по-видимому, заканчивается, и автор продолжает сравнение от себя: возвращение к единоличной власти, необходимой, чтобы не погибнуть, стало старостью Рима. Оснований думать, что императорская власть воспринималась Сенекой как необходимое зло, текст Лактанция не дает.

² В «Контроверсиях» (2, 4–5; 4 введ.) несколько раз говорится об «удивительной» свободе мнений, царившей при Августе с его позволения. «Ритор» хвалит и милосердие, и остроумие принцепса совершенно так же, как потом будет хвалить «Философ».

было дорого, а пройти вверх по всей карьерной лестнице стоило огромных денег. Многодетность угрожала банкротством, и родители ничуть не возражали против усыновления их отпрысков бездетными друзьями-аристократами, боявшимися остаться без наследников. Усыновить могли и взрослого, ничего противоземного в этом не усматривалось. Даже в богатой семье Сенеки, принадлежавшей к известному, выдвинувшемуся в эпоху поздней республики всадническому роду Аннеев, три сына — предел финансовых возможностей. Галлион (Новат) возвысился до консульства¹, при Клавдии исполняет должность проконсула провинции Ахея, то есть Греции. В надписи из Дельфов 52–53 годов н. э.² от имени императора он назван «другом». Надпись свидетельствует о заботе, проявляемой правителем к опустевшему селению близ древнего оракула. Примечательное событие этого года — встреча Галлиона с апостолом Павлом в Коринфе, куда проконсул приехал, чтобы разбирать судебные дела: вопреки требованию иудеев он не стал судить проповедника новой веры, заявив, что споры об иудейском законе вне его компетенции³. О его службе во времена Нерона есть любопытное сообщение: Галлион прокричал в театре имя

¹ В каком году он стал консулом, точно неизвестно. Плиний (Естественная история 31, 62) пишет, что после консульства он отправился в длительное морское путешествие в Египет, чтобы поправить здоровье. Он отплыл из Ахеи: *Сенека. Письма* 104, 1.

² 801 в собрании Диттенбергера.

³ Деяния апостолов 18: 12–17: «Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали Иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище, говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону. Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал Иудеям: Иудеи! если бы какая-нибудь была обида, или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас; но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом. И прогнал их от судилища. А все эллины, схвативши Сосфена, начальника синагоги, били его пред судилищем; и Галлион ни мало не беспокоился о том».

августейшего исполнителя перед памятным выходом того на сцену с кифарой в руках. Если информация верна, то на роль глашатая его, по всей вероятности, назначил всемогущий брат¹.

Галлион отличался как искусный оратор². Но младшего сына автор «Контроверсий» ставит выше двух других³, информируя попутно о решении Мелы в противоположность братьям отказаться от государственного поприща⁴; тем большее внимание талантливейшему из сыновей следует, говорит отец, уделять занятиям риторической декламацией. Мела управлял семейным имуществом. И не только им: при Нероне он стал прокуратором принцепса, то есть заведовал его имущественными делами. Мало сомнений, что должности распорядителя для брата-финансиста добился Сенека. Сыном Мелы был Марк Анней Лукан, третий по значению, после Вергилия и Овидия, римский эпик. Мать Сенеки принадлежала к тому же древнему роду, что и мать Цицерона: знатностью обе Гельвии превосходили мужей.

¹ Дион Кассий. Римская история 61, 20: «...Нерон явил себя в театре, объявленный под собственным именем Галлионом. Вот стоял там на сцене этот Кесарь, наряженный в убор кифареда, этот император произнес слова: „Господа мои, выслушайте меня благосклонно“. И этот Август спел под лиру некоторые сочинения, называвшиеся „Агтис“ или „Вакханты“, в присутствии множества воинов и плебса. (...) Возле него стояли Бурр и Сенека, словно наставники, подсказывая ему; и они взмахивали руками и тогами после каждой его песни, побуждая и остальных делать то же самое».

² Стаций (2, 7, 32) называет его сладкоречивым.

³ В предисловии ко второй книге, §§ 3–4. Возвышая младшего брата, отец не боится зависти к нему старших, что уже доказывает их взаимную любовь.

⁴ Тацит утверждает, что из честолюбия (Анналы 16, 17): не ища сенатских должностей и оставаясь поэтому в наследном всадническом сословии. Мела якобы стремился — то ли благодаря связям, то ли своим способностям к управлению финансами — сравняться положением с братьями-консулами.

Но Цицерон о своей матери ни разу не вспоминает, тогда как Сенека обращается к Гельвии с «Утешением», полным биографических подробностей. От него мы узнаем о ее утратах, о духовных запросах, интересе к наукам и философии, образованности, которой не дал развиваться в ученость строго римский традиционализм мужа, бывшего, по всем указаниям, старше своей жены¹. «Утешение к матери Гельвии» содержит сведения еще об одной родственнице философа, принимавшей в нем самое теплое участие и помогавшей его взлету. Тетя, сестра матери², была замужем за префектом Египта, чиновником, которому поручили весьма ответственный участок: Александрия продолжала оставаться столицей Востока. Гай Галерий занимал свой пост дольше других — шестнадцать лет, с 16 по 31 год³, что в правление Тиберия, пристально следившего за делами в Египте, требовало недюжинных административных способностей.

Семья не всегда настолько уж существенна для творческой биографии, и масса писателей, подобно Цицерону, по разным причинам не вдохновляется своей

¹ Когда Сенека, достигший уже сорокалетия, пишет свое «Утешение», муж Гельвии умер, между тем как отец еще жив. Между братьями, заметим кстати, не могло быть большой разницы в возрасте — что способствует дружбе.

² См. последние главы «Утешения». Интересно, какой «сестрой» приходилась она Гельвии. Ведь о той сказано как о единственном ребенке ее отца (гл. 18): «Дав ему стольких внуков и правнуков, ты перестала быть его единственным потомством». Выходит, «сестра» — сводная? Или — единоутробная? В последнем случае ее тоже звали Гельвией. Здесь какая-то семейная история, которой мы, видимо, уже не узнаем.

³ Имя Галерия упоминается в надписях из Египта и у Плиния Старшего (19, 3). О длительности его службы сообщает Сенека; указанный период единственный совпадает с 16-летним промежутком между префектами Египта и соответствует эпиграфическим данным, так что даты можно считать надежными. Галерий сменил на этой должности отца Сеяна.

родословной. Но *такая* семья важна. Тем более что Сенека всегда помнит о ней. Сохранившийся отрывок из начала труда «О жизни отца» — свидетельство не только сыновнего почтения, но и заботы о литературном наследии родителя. Философ сожалеет, конечно, что отец не позволил жене заниматься философией, однако — с намеком на формулу Катона — называет его «лучшим из людей» и превозносит как историка. Старшему брату Сенека посвятил три своих сочинения: «О счастливой жизни», «О гневе» и «О лекарствах от случайностей». Путь братьев в государственной жизни и отношение к ней схожи¹. Мелу философ хвалит почти в тех же выражениях, что отец; несколько трогательных строк в «Утешении к Гельвии» посвящает он и племяннику, будущему поэту. Обращения к матери говорят о духовном родстве, панегирик тетке — о глубоком почтении. Семья Сенеки, по всей очевидности, была семьей преданных друг другу единомышленников. Никого из них нельзя заподозрить в оппозиционных настроениях. Они готовы служить императорам, и едва ли будет ошибкой думать, что единоличное правление представлялось им благом для Рима, Август — идеалом правителя. Необходимым злом они считали не монархию, но плохого монарха². Кроме наследного богатства, которому не угрожало быть растраченным, поскольку им умно рас-

¹ О чем свидетельствует Дион Кассий (60, 35): по случаю смерти Клавдия «Сенека оставил сочинение, которое назвал „Отыквлением“ — выдуманное слово, наподобие „Обожествления“, — а его брату приписывают высказывание большого смысла в кратких словах. Ибо ввиду того, что общественные палачи имели обычаем тянуть трупы казненных в тюрьме через форум большими баграми и оттуда сбрасывать их в реку, он заметил, что Клавдий был поднят на небеса багром».

² Республиканский пафос «Фарсалии» имеет свои причины. Отношение Лукана к семье было непростым, его темперамент — слишком особенным и слишком уж типичным для поэта. Но он был моложе дяди почти на сорок лет.

поряжались, эту интеллигентную семью государственных чиновников объединяло мировосприятие. Пусть отец и любил риторику больше философии, его мемуары и писания сына обнаруживают близкое сходство идейных и жизненных установок. Средневековое, отвлекшее филологию от фактов, свободно объединило отца с сыном, приписав «Философу» творения «Ритора»¹.

Может быть в силу этой общности, отец не препятствовал философским увлечениям Сенеки. О приезде в Рим и годах учения почти нет внешних свидетельств: приходится вписывать субъективные оценки в общий для современников историко-культурный пейзаж. Тетка «на своих руках» привезла племянника в Рим², то есть, очевидно, еще маленьким мальчиком, так что у грамматика он учился в столице, имея возможность заниматься с лучшими в тогдашнем мире школьными учителями. Уровень подготовки заметен по начитанности Сенеки в греческой и римской литературе, равно как и по филологическому усердию, сквозящему во многих его писаниях. Книги, книги, книги — тема звучит постоянно. Он воспринимает поэзию как вспомогательное средство философского образования, но, стремясь принизить филологическое прочтение классиков, обнаруживает выучку и знания профессионала³. Именно обучавшего мы не знаем. Самым знаменитым рим-

¹ Но отделив драматурга от моралиста: в их уме не укладывалось, что можно быть тем и другим одновременно. Поэтому Данте называет его «*Seneca morale*».

² Утешение к Гельвии 19.

³ Особенно выделяется в этом смысле 108-е письмо. Сенека встает здесь на позиции «филолога» и «грамматика», демонстрируя умение давать разноплановый комментарий к тексту, — все для того, чтобы отвергнуть историко-филологическое знание и науку о языке ради уроков жизни. В 88-м письме он обнаруживает детальное знакомство с трудами знаменитого Дидима, написавшего о греческой поэзии четыре тысячи книг, и объявляет напрасной жизнь, успевшую охватить целую науку.

ским грамматиком в те годы был Веррий Флакк, но для нас интереснее фигура Луция Крассиция, которого — сообщает Светоний — ставили наравне с Флакком, однако он «внезапно распустил свою школу и примкнул к ученикам философа Квинта Секстия»¹. Когда это случилось, успел ли Крассиций поучить Сенеку толкованию текстов, например, в качестве домашнего учителя, ответить затруднительно. Однако другие ученики Секстия стали наставниками Сенеки, и, учитывая пафос всех обращений философа к «грамматике» (в античном смысле этого слова), логично предположить, что он еще в отрочестве усвоил взгляд на филологию как на вещь рядом с философией никчемную. К урокам риторики, начинавшимся вместе со вступлением в возраст, то есть в 15–16 лет, Сенека приступил, обладая обширным читательским опытом, основательным знанием греческого и уже успев многое передумать. Семья жила в Риме. Галлион, усыновивший затем Новата, давал уроки красноречия всем трем братьям². Его стиль известен по цитатам у Сенеки Старшего и немногим заметкам современников. Примечателен отзыв Тацита: в «Диалоге об ораторах» классицист Матерн неодобрительно называет речь Галлиона «бряцанием». Подразумевается дробность сочленений, из которых возникает целое: каждый фрагмент речи плотно сбит, нередко афористичен, однако лишен связи с окружением; текст, отрывистый, как звон бубенчиков, сплочен лишь дви-

¹ О грамматиках и риториках 18. Возможно, подразумевается Секстий-сын. Расцвет филологической деятельности Крассиция относится к 30-м гг. до н. э.

² Риторические писания Галлиона Старшего читал Квинтилиан (3, 1, 21). Кстати говоря, и Галлион едва ли питал республиканские иллюзии: в 10-й книге «Контроверсий» упомянут его памфлет в защиту любимца Мецената Батилла, написанный как ответ тому Лабиему, который отказался воевать за Цезаря против своих и погиб при Мунде. Обращаясь к сыновьям, Сенека называет автора «вашим [читай: вашим учителем] Галлионом».

жением мысли. Такой стиль, разительно контрастирующий с изложением Цицерона, сближает ораторскую прозу с поэзией; отметим, что другом Галлиона, кроме Сенеки Ритора, был Овидий¹. Манера письма философа отличает его от отца, но доказывает, что он хорошо усвоил уроки Галлиона. Император Калигула, известный недобрый остроумием и разбиравшийся в красноречии, критиковал этот стиль в том же духе, что и Матерн: у Сенеки, дескать, «одни соотнесения» и «песок без извести»². Другой ритор, у которого автор «Нравственных писем» учился в юности, Папирий Фабиан, подобно грамматике Крассицию, увлекся философией, став слушателем Секстия. Его декламации, из которых шесть сохранены в «Контроверсиях» и одна в «Свазориях», отвечают такому выбору. Фабиан громит пороки, порицает роскошь. Сенека Старший производит свойства его красноречия из склонности к философии. Хотя

¹ Причем остался им и в понтийском изгнании. 11-е послание 4-й книги из цикла «Писем с берегов Понта» адресовано Галлиону и написано по случаю смерти его жены. Книга включает письма, датируемые с 14 по 16 г. н. э. В посвященных Галлиону стихах Овидий отмечает, что вдохновившее его письмо из Рима с известием о несчастье друга могло идти долго, но все же вероятно, что Галлион овдовел в это самое время, незадолго до того, как его ученик Новат должен был вступить на карьерную лестницу. Датой усыновления нужно, следовательно, считать конец 10-х гг. Что трактат «О гневе», написанный после смерти Калигулы (41 н. э.), адресован Новату, а трактат «О счастливой жизни» — Галлиону, малосущественно. Брат всегда мог назвать брата и тем, и другим именем. Разная адресация дает не основание для датировки, но разность акцентов: в первом случае автор обращается к товарищу по школе, во втором — по службе.

² Светоний. Калигула 53. Сопоставим оценку современного ученого: «Период Сенеки — короткий, рваный, асимметричный — явно азиатского происхождения. Непрерывно сверкающий разными гранями, он словно распадается на составляющие его элементы, требуя от читателей предельной сосредоточенности» (Дуrows В. С. Трактат «О краткости жизни» в философском наследии Сенеки. Послесловие к переводу. 1996).

Папирий, превратившись в философа¹, не забросил риторику, как, вероятно, и Крассиций — филологию, превращение сильно впечатлило современников.

Философов, кто хотел, начинал слушать лет в восемнадцать; для большинства высшее образование заканчивалось у ритора. Сенека подготовлен к восприятию философии как вершины наук, ради которой только и стоило учиться. Ехать для этого в Афины не было необходимости. В Риме вели занятия учителя, с которыми писатель познакомился в ранней юности. Сотиона, своего главного наставника в науке мудрости, он начал слушать еще «мальчиком» и продолжил «юношей»². Тот убедил ученика стать вегетарианцем; автор «Писем» вспоминает, что через год отказ от мясной пищи давался ему уже легко. Но семью, не евшую свинину, могли заподозрить в сочувствии чужеземной религии, и отец, опасаясь за судьбу сына, отговорил его³. В 19 году Тиберий изгнал из Рима иудеев вместе с поклонявшимися Исиде египтянами; Сенеке 18 лет. «Сотион рассказывал мне, почему от мяса воздерживался Пифагор и почему

¹ И создав ряд сочинений по философии, чуть ли не больше, чем у Цицерона. О стиле Папирия Сенека трактует в 100-м письме и — вслед отцу — объясняет его достоинства (чистоту), равно как и недостатки (медлительность), философским содержанием. В 13-й главе «О краткости жизни» прочтем о сомнениях бывшего ритора в нужности историко-филологических изысканий.

² Письма 49, 2; 108, 17.

³ Письма 108, 22: «Время моей молодости пришлось на принципат Тиберия Цезаря: тогда изгонялись обряды инородцев и неупотребление в пищу некоторых животных признавалось уликой суеверия. По просьбам отца, не опасавшегося клеветы, но враждебного философии, я вернулся к прежним привычкам; впрочем, он без труда убедил меня обедать лучше». О нелюбви отца к философии читаем только здесь, в совершенно особом контексте: «враждебность» (именно так, неожиданно сильно) философии должна перевесить «страх перед клеветой» — иными словами, отвлечь внимание читателя от истинной причины того, почему Сенека Старший убедил сына есть мясо.

позднее Секстий»¹. Квинта Секстия учитель, по всей вероятности, слышал сам и, значит, принадлежал к его школе². Секстий сочинял на греческом языке, для Сотиона родном; предположительно, большую часть уроков философии Сенека выслушал на этом наречии, которое выбрал языком преподавания и его младший современник, учитель Эпиктета Музоний Руф. (Грек тогда уже мог стать учеником римлян.) При этом основатель школы настаивал на римском пафосе своего учения: Секстий «писал по-гречески, а думал по-римски»; его секте свойственна «римская закалка»³. Собственно римской в философии римлян была адаптация теории к жизни. Во мнении этих слушателей любую науку возвышала применимость на практике; отвлеченное знание они ценили мало, зато готовы были неуклонно следовать тому, пользу чего могли разглядеть. Самое подкупающее в интеллигентных римлянах — твердость направления. Из каждой греческой философии, из каждой науки извлекалось ценнейшее для своей жизни здесь, сейчас и в будущем. Например, природоведение требуется для поддержания здоровья. И секстианцы занимаются медицинскими изысканиями; сына схоларха, возглавившего школу после смерти отца, отождествляют с ботаником Секстием Нигром, автором фармакологического трактата «О лечебном веществе», к ко-

¹ Письма 108, 17.

² Противоположное мнение, разделяемое меньшинством ученых (И. Адо, И. Лана), основывается на гипотетическом различии пифагореизма Сотиона и платонизма Секстия: последний, предположительно, следовал Антиоху Аскалонскому, учителю Цицерона. В позиции Ильзетрауд Адо привлекает четкая разметка границ философского направления Секстия. Но в отношении Сотиона такая четкость недостижима. Из цитаты в 108-м письме невозможно вычитать, сочувствует ли он пифагорейским аргументам, рекомендует вегетарианство или диетологических или из этических соображений.

³ Письма 59, 7; Исследования о природе 7, 32, 2.

тому обращались Диоскорид и Плиний Старший. Учеником Секстия был Корнелий Цельс¹. Но натурфилософия имеет для человека также иную ценность: исследование природы — одна из самых благородных и благотворных возможностей самореализации. Реферируя учение Антиоха из Аскалона, с которым историки философии сближают школу Секстия, Цицерон перечисляет три наилучших вида человеческой деятельности: на первом месте «наблюдение и познание небесных явлений и всего, что природа скрыла, разум же умеет выведать», далее «управление государством и наука управления», затем проявление умеренной рассудительности, мужества и прочих добродетелей². Наука, политика и мораль сплочены задачей деятельной жизни. Ученики Секстия пишут поэтому и «О естественных причинах», и «О гражданских делах» (Фабриан), и «О гневе» (Сотион)³. Неядение убоины — принцип и физиологический, и нравственный.

Философ Аттал, которого Сенека чаще других учителей вспоминает в «Письмах»⁴, хотя прямо не упоминается среди секстианцев, близок им всем смыслом своих уроков. Его рекомендации касались и телесного здоровья, и душевного равновесия. Рядом с требованием спать на матрасе, «который сопротивляется телу», советы и максимы вроде: «Если фортуна что-то бросит нам, насторожимся в ожидании», или «Злонравие само

¹ Квинтилиан. Воспитание оратора 10, 1, 124.

² О пределах добра и зла 5, 58.

³ Папирий Фабриан также трактовал «О животных»; оба трактата активно использует Плиний Старший. Сочинение Сотиона, отрывки которого приводит в своей хрестоматии ранневизантийский компилятор Иоанн Стобей, послужило источником одноименного трактата Сенеки; им пользовался и Плутарх, оставивший рассуждение «О подавлении гнева».

⁴ Его наставления особенно впечатляли молодежь: «Мы осадили его уроки, приходили первыми, а уходили последними, и даже на прогулках вызывали его на разговор» (108, 3).

Содержание

М. Позднев. Сенека-моралист 5

УТЕШЕНИЕ К МАРЦИИ

Перевод М. Браша и Б. Ерогина под ред. М. Позднева . . . 67

УТЕШЕНИЕ К ПОЛИБИЮ. *Перевод Н. Керасиди* 107

УТЕШЕНИЕ К МАТЕРИ ГЕЛЬВИИ

Перевод М. Позднева 134

О КРАТКОСТИ ЖИЗНИ. *Перевод В. Дурова* 167

О МИЛОСЕРДИИ. *Перевод М. Позднева* 199

О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ. *Перевод С. Янушевского* . . 237

О ДОСУГЕ. *Перевод М. Позднева* 277

О ПРОВИДЕНИИ. *Перевод В. Стовика и В. Стейна*

под ред. М. Позднева 288

Комментарии

М. Позднев, В. Дуров, С. Янушевский 307